

УДК 930.2

ИНВЕРСИОННАЯ АРХАИКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Е.А. Нагорнов

*Волго-Вятский филиал Московского технического университета связи
и информатики, г. Нижний Новгород, 603011, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается феномен Октябрьской революции с позиции либерального историцизма А.С. Ахиезера. С точки зрения теории модифицированных инверсионных циклов исторического развития, предложенной А.С. Ахиезером, автор пытается рассмотреть скрытые контуры структуры исторического прошлого Российского государства. Вопрос поставлен в контексте более общей проблемы исторического развития России как традиционной цивилизации. Феномен русской революции исследуется в рамках общекультурной оппозиции между племенной культурой и культурой гражданского общества. Особое внимание уделяется архаическому характеру русской революции: традиционализму, локализму, логике исторической инверсии, отсутствию политической свободы и диалога, крушению системы Советов. Автор пытается ответить на вопрос: почему в России не происходит подлинной медиации между государством и обществом, а любые социальные потрясения приводят к реставрации традиционных мифов народного сознания, к торжеству догосударственных, дополитических идеалов. Переосмысливается идейное наследие А.С. Ахиезера, Х. Арндт, Р. Пайпса применительно к современным реалиям российского исторического процесса. Автор рассматривает революцию не как что-то принципиально новое, но как закономерное развитие предшествующего российского циклического исторического процесса.

Ключевые слова: революция, традиционализм, инверсия, община, локализм, Советы, воля, политическая свобода, народное представительство, либерализм, архаика

В условиях дикого характера современного российского капитализма, обнищания населения, отсутствия социальных гарантий, ценностного коллапса, дальнейшего роста бюрократизации и развития полицейского государства всё большая часть отечественного академического сообщества ностальгически обращается к феномену Октябрьской социалистической революции. Многие представители интеллектуальной элиты, а не только апологеты из КПРФ и «Другой России», склонны видеть в ней нечто возвышенно-универсальное, уникальное: некий миф, недоступный в своей кристальной вечности трансцендентный Объект, некое Золотое Время, Царство Божье на Земле, универсальную панацею от сегодняшних зол. Можно даже говорить о религиозном отношении, идеализации революции как некоей трансторической постоянной величины.

При изучении революции более интересным представляется обращение не к апологетическому лагерю, но к представителям либеральной традиции. С их точки зрения, русская революция – это не только торжество социальной справедливости или начало государства рабочих и крестьян, это прежде всего реальные исторические условия, ценностные диспозитивы, практики и люди, сделавшие Революцию именно такой, а не другой.

Либеральная концепция отечественного социолога А.С. Ахиезера не идеализирует революцию, не видит в ней нечто новое, но рассматривает ее как закономерное продолжение российского исторического процесса: «Россия – кризисная точка мировой истории» [1, с. 740]. Революция лишь выражение этого кризиса. Как считает философ, русская революция не порождает дальнейшее культурное воспроизводство, политическое творчество, освоение европейских ценностей, формирование свободного политического пространства в лице народного представительства, но ведет к торжеству уравнительного идеала, к *инверсии*.

По мнению Х. Арндт, рассуждающей об американской революции, «власть возникает там и в том случае, где люди объединяются вместе с целью действия, и исчезает, когда они расходятся и оставляют друг друга в одиночестве. Тем самым обязательства и обещания, объединения и соглашения суть способы, посредством которых власть поддерживает свое существование» [2, с. 241]. Только политическое творчество ответственных граждан способно сохранить в себе однажды возникшую «власть живого действия», где «совместное действие людей привело к образованию власти, и эта власть поддерживалась на плаву заново открытыми средствами – взаимными обещаниями и ковенантами (договорами)» [2, с. 242]. Именно высокая культура политической рефлексии и воспроизводства помогла американским гражданам в ходе революции избежать катастрофы и подавления со стороны Английской империи. Помогли по собственной инициативе конституироваться в «гражданские политические организации», взаимно обязав друг друга на предприятие [2, с. 269]. Почему же в России всё пошло по другому сценарию? А политическое представительство в форме советов сменилось однопартийной диктатурой? Почему *медиация* возможна в Америке и не возможна в России?

Согласно А.С. Ахиезеру, в русской революции «конфликты оказались сильнее, чем культурная основа всеобщего согласия» [1, с. 137]. Революция не создала базы для свободного политического творчества, идеала свободы, саморазвития, законности, диалога. По его словам, «для медиации характерно возрастающее стремление к получению нового результата, к отказу от идеала неизменности» [1, с. 69]. В русской же революции, движимой в основном крестьянским миром и низами общества, мы видим торжество антимедиации и *манхейства*. Как отмечает А.С. Ахиезер, «социальная инверсия в своих крайних формах вызывает *косу инверсии*» [1, с. 72]. Русская революция – это крайняя форма раскола между медиатором (государством) и народным океаном: «Тяготение медиации к высшим, элитарным уровням культуры и к концентрации инверсии на нижних уровнях может стать серьезнейшей проблемой как условие и предпосылка социальных конфликтов» [1, с. 72]. Отсюда постоянная опасность, угроза «схлопывания», дискредитации центральной власти.

Для России, по А.С. Ахиезеру, в большей степени характерен *гибридный* нравственный идеал, включающий либерализм, утилитаризм и остатки утилитаризма [1, с. 72]. Русская культура, по мысли социолога, во многом еще первобытна. В ней господствуют по преимуществу архаичные, догосударственные, дополитические нравственные идеалы: синкретизм, партиципация, преобладание монолога. Он утверждает, что архаика русской культуры вполне может рассматриваться через почитание *тотемов* и борьбу с антитотемами: тотемизм «возникает при господстве культуры, где реальность выступает как бесконечное скопление “людей”, все явления вокруг – живые субъекты, с которыми есть возможность договориться» [1, с. 99]. В результате человек рассматривает себя как некий объект этих внешних сил: «Тотемизм понимает жизнь человека в виде жизни внешних стихий, а стихии принимает за людей»¹ [1, с. 99], «субъективность же внутри личности оценивается самим человеком как нечто негативное, как возможность ошибки, отпадения, ереси» [1, с. 101]. Отсюда вечная проблема России – отсутствие ответственности и свободы мысли. А.С. Ахиезер цитирует Н.И. Костомарова: «Свобода была им не свойственна, как рыбе воздух без воды: обыкновенно в Московской Руси освобожденный холоп делался снова холопом другого господина»² [1, с. 99]. В результате еще в самом начале русского государства (1-й цикл) сложилась ценностная ориентация на формирование *вечного* идеала, представлявшего собою господство архаики. Идеала отнюдь не демократического, но противоречившего свободе личности и культуре подлинного демократического мышления. Согласно историософской концепции А.С. Ахиезера, данный идеал мог трансформироваться под давлением народных масс либо в *соборный*, либо в *авторитарный* идеал. Отсутствие опыта самоуправления и политических институтов часто приводило к тому, что победа того или иного идеала определялась лишь массовой поддержкой основной части общества. При этом «трудность решения медиационной задачи заключается в том, что культурная программа массового сознания может носить утопический, догосударственный характер (полное отсутствие ценностей большого общества в культуре людей. – *Е.Н.*)» [1, с. 101]. Можно сказать, что в течение всего русского Средневековья шла борьба между соборным идеалом и авторитарным, наложившая отпечаток на будущую русскую революцию: «Две силы общества – та часть общества, которая склонна к формированию государства, и широкие массы, не склонные искать меру единства, – вступают в конфликт, часто ожесточенный, толкающий к катастрофе» [1, с. 103].

Возможно, здесь следует искать причины той извечной ненависти русского крестьянина, крестьянских локалистских миров к государству, которая так проявит себя в революции 1917 г. Государство становится одной из форм *антитотема* в русском народном сознании. В связи с этим возникает вечная угроза «схлопывания», кризиса государственного медиатора, дискредитации центральной власти в период исторических кризисов: «Реальная причина дезорганизации аппарата была следствием неустройства, *общей враждебности к государству*, но не к царю лично» [1, с. 123]. Царь в данной схеме будет

¹ Здесь А.С. Ахиезер цитирует О.М. Фрейденберг. Миф и литература древности. М., 1978. С. 53.

² Костомаров Н.И. Кудеяр: Историческая хроника. М., 1982. С. 187.

являться непререкаемым авторитетом-тотемом: «Царь – хороший, бояре – плохие!», «Царь хочет, бояре не дают». Вот почему во всех российских смутах, бунтах и революциях массы жаждут своего подлинного настоящего царя [1, с. 123], что указывает на явную недостаточность культурных интеграторов другого, более рефлексивного типа.

Таковы основные детали крестьянской мифологии царя-тотема, которые затем плавно перейдут уже в советский период в культ вождей. Однако, по мысли американского историка Р. Пайпса, «крестьянская преданность была личной преданностью идеализированному образу далекого властителя, в котором мужик видел своего земного отца и защитника. То была не преданность институту монархии как таковому и уж точно не его агентам, будь то дворяне или чиновники. <...> Преданность царю не означала взятие на себя какой-либо гражданской ответственности; более того, за нею было сокрыто глубочайшее отвращение к политическим институтам и политике вообще» [3, с. 214]. Этот архаичный механизм работал в период опричнины Ивана Грозного, в период Смуты, а также и в период русских революций. А.С. Ахиезер приводит марксистский тезис, согласно которому в азиатском способе производства «высшая власть стремится опереться непосредственно на силу локальных миров, где средний слой – некоторая система технической связи верха и низа, а не самоценность» [1, с. 214]. К сожалению, как пишет социолог, «в России развитие сословий не дошло до заверченного состояния, до ясного осознания общности собственных интересов. <...> Это означало, что страна не прошла еще весь путь преодоления архаичного синкретизма, когда специфические группы перестают осознавать себя через некоторую сакральную точку в обществе, но осознают собственную самостоятельную самоценность» [1, с. 130]. Особенно это относится к государствам *вотчинного* типа, каким была Россия: «В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства и его собственником» [3, с. 415]. В народном сознании это право собственности ~~для народного сознания~~ может быть только у царя, наместника Бога. А.С. Ахиезер также делает интересное замечание на эту тему: «Это была по сути дела *не собственность, а монополия*, т. е. неотчуждаемое в рамках установленного порядка условие, средство деятельности, некоторое неотъемлемое вешнее продолжение субъекта, без которого воспроизводственная деятельность невозможна» [1, с. 135]. Отсюда крайняя неустойчивость государства в периоды кризиса царской власти.

А.С. Ахиезер отмечает: «Преобладание в стране древних синкретических ценностей, согласно которым личность видела смысл своего существования, лишь растворяясь в некотором целом, партиципируя к первому лицу, неизбежно приводило к тому, что государство зависело от способности людей приобщаться к нему как к тотему» [1, с. 135]. В результате «государству не оставалось ничего другого, как имитировать порядок, исторически сложившийся в древних локальных мирах, в патриархальной семье, с неизбежными интерпретационными поправками» [1, с. 135]. По мнению ученого, «важнейшей предпосылкой решения этой задачи было превращение всех условий и средств воспроизводства

в сферу власти государства» [1, с. 135]. Но это работало, пока сохранялось доверие к тотему.

Отсутствие собственности и срединной культуры между медиатором и народной массой приводило к тому, что поиск выхода из стрессовых ситуаций всегда происходил в условиях «инверсионного перехода от одной крайности к другой» [1, с. 137]. Совсем иная ситуация была, например, в Америке где не царь-тотем, не изменчивая народная воля, но «интерес, прочная структура классового общества, составляла подлинную основу национального государства» [2, с. 225], где «народ колоний еще до конфликта с Англией был организован в самоуправляющиеся общества, группы...» [2, с. 227], получившие свой авторитет снизу. Именно поэтому революция не отбросила их в «естественное состояние», в хаос уравнительной архаики, как это случилось в России, где «конфликты оказались сильнее, чем культурная основа всеобщего согласия» [1, с. 137].

Вот какое историческое наследие получила русская революция. Именно в ней, по мысли А.С. Ахиезера, возникает ситуация когда «отсутствие реальной конструктивной альтернативы приводит к саморазрушению восстания» [1, с. 137]. Возобладала ситуация когда «массовое стихийное манихейство, идущее из глубины веков» вырвалось на свободу. А революция была лишь «мощной попыткой растревоженной общины перейти в наступление и перенести свои уравнительные идеалы на всё общество, превратить всё общество в уравнительную общину» [1, с. 138]. Как отмечает философ, «конец инверсионного цикла был предопределен всей предшествующей историей страны, господством инверсионного типа социальных изменений в сочетании с расколом» [1, с. 157]. Он утверждает: *«Успех Ленина заключался в том, что он открыл существование нравственного идеала, позволяющего объединить массовое сознание и государственность, организовать победоносную борьбу за превращение его в господствующий в условиях раскола идеал»* [1, с. 187]. А также: *«Ленин постоянно стремился создать не партию в обычном понимании этого слова, а особый социальный механизм, улавливающий энергию масс. <...> Создать в кризисной ситуации машину, борющуюся с гибельным для расколотого общества энтропийным процессом, машину, высасывающую социальную энергию из среды и направляющую ее в организационное строительство»* [1, с. 557]. В результате «превращение энергии инверсии в энергию партии создало возможность интеграции общества, дошедшего до крайних форм распада и локализма» [1, с. 558].

Таким образом, можно сказать, что революция включила уравнительные силы. Волна народного локализма вынесла большевиков на верхушку власти, но это не была революция либерального американского типа, поскольку не было нравственного переворота сознания, не было истинной медиации. Попытка политического народного творчества в виде советов была окончательно задушена партией, то есть продолжилась эксплуатация прежних инверсионных схем в новых декорациях. Возобладала мощь уравнительных ценностей вместо обязанности воссоздавать большое общество.

Литература

1. *Ахиезер А.С.* Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1. От прошлого к будущему. – 804 с.
2. *Арендт Х.* О революции. – М.: Европа, 2011. – 464 с.
3. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 419 с.

Поступила в редакцию
11.04.18

Нагорнов Евгений Александрович, кандидат культурологии, доцент кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин

Волго-Вятский филиал Московского технического университета связи и информатики
ул. Менделеева, д.15, г. Нижний Новгород, 603011, Россия
E-mail: evnagor@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 4, pp. 977–983

An Inversion Archaism of the Russian Revolution

E.A. Nagornov

*Moscow Technical University of Communications and Informatics, Volga-Vyatka of Branch,
Nizhny Novgorod, 603011 Russia
E-mail: evnagor@yandex.ru*

Received April 11, 2018

Abstract

The phenomenon of the October Revolution has been considered in the paper from the position of A.S. Akhiezer's liberal historicism. The dependence of the Russian revolution on the previous experience of Russian history has been discussed. The Russian revolution is not a separate historical phenomenon. It is strictly defined and historically determined. The roots of the revolution go back to the Russian Middle Ages and the Mongol yoke, to the popular uprisings of the past centuries. Based on the theory of modified inversion cycles in historical development introduced by A.S. Akhiezer, the hidden contours of the structure of the historical past of the Russian state in the phenomenon of the Russian revolution have been investigated. It has been shown that the problem under study is related to a more general problem of the historical development of Russia as a traditional civilization. The phenomenon of Russian revolution is explored within the framework of a general cultural opposition between the tribal culture and the culture of civil society.

Special attention has been paid to the archaic character of Russian revolution: traditionalism, localism, logic of historical inversion, absence of political freedom or dialogue, collapse of the Soviet system. The ideas of A.S. Akhiezer, H. Arendt, and R. Pipes have been reinterpreted with regards to the modern realities of the Russian historical process. The revolution has been considered as a regular development of the previous cyclical historical process in Russia.

Keywords: revolution, traditionalism, inversion, community, localism, Soviets, will, political freedom, people representation, liberalism, archaism

References

1. Akhiezer A.S. *Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia)]. Vol. 1: From past to future. Novosibirsk, Sib. Khronograf, 1997. 804 p. (In Russian)
2. Arendt H. *O revolyutsii* [On Revolution]. Moscow, Evropa, 2011. 464 p. (In Russian)
3. Pipes R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta, 1993. 419 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Нагорнов Е.А. Инверсионная архаика русской революции // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 4. – С. 977–983. ⟩

⟨ **For citation:** Nagornov E.A. An inversion archaism of the Russian revolution. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 977–983. (In Russian) ⟩